

Феномен земли в культуре

Опыт концептуализации

Татьяна СТУДЕНКО,
кандидат филологических
наук, доцент

Акцент на феномене земли особенно актуален в белорусском контексте, где она традиционно понимается как духовная ценность, фундамент культуротворчества в самом широком смысле. Именно такая трактовка лежит в основе белорусского национального эпоса, в частности, в поэме Якуба Коласа «Новая зямля» (1923), где землевладение – благо, которого лишен герой, противопоставлено, в первую очередь, не нужде-нищете-несвободе, хотя акцент сделан и на этих мотивах, а «неподлинности» безземельного существования, отчужденного от созидания.

Даже неуверенность, шаткость временного хозяйствования (аренды) – не главное в трагедии «чужой земли»: наряду с ущемлением достоинства, большее всего – лишение потенциала жизнотворчества на индивидуальном и, в конце концов, национальном уровне. Иное дело – опыт сегодняшнего крестьянина, для которого владение землей совершенно реально (и не только для крестьянина). Но всегда ли осознается прагматическая ценность землевладения?

Представленный материал содержит презентацию специфического контекста интерпретации феномена земли как феномена культуры (в отличие от материальной, физической феноменальности) и обоснование соответствующего аналитического дискурса.

Обобщая перипетии «земельного вопроса», столь актуального на славянских

землях со времени реформы 1861 года и до сегодняшнего дня, российские ученые резюмируют: «Земля всегда оставалась не только материальным объектом, но и специфической культурной ценностью» [1, с. 226]. При всей бесспорности приведенная фраза настраивает на критический лад: если земля – культурная ценность, почему это не засвидетельствовано в культурологическом дискурсе? Если это ценность специфическая, в каких других – «специфических» – гуманитарных срезах она осмыслена? Если она отразилась – что не вызывает сомнения – в образно-художественном восприятии, в литературе, почему литературоведение не зафиксировало наиболее репрезентативные планы этого отражения? Парадоксальным образом феномен земли, один из ключевых концептов культуры, остается необобщенным в соответствующих смыслах и потому культурно не ратифицированным. Кроме того, подлежит расширению, дополнительной проблематизации традиционно сложившийся концепт «земельный вопрос» – в силу признанной культурной специфичности проблемы земли, выходящей за аграрно-социальные рамки.

Терралогия: проект культурологического дискурса

Если корректно различие земледования (науки о почве-грунте-подземных водах) и осмысления феномена земли как культуроло-

ОБ АВТОРЕ

СТУДЕНКО Татьяна Святославовна.

Родилась в Минске. В 1990 году окончила Минский технологический техникум, в 1996 году – Белорусский государственный педагогический университет, в 2000 году – аспирантуру этого вуза.

С 2002 года работает на кафедре зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики (сейчас – Институт журналистики) Белорусского государственного университета.

Кандидат филологических наук (2002), доцент (2008).

Автор двух монографий, более чем 20 статей по проблемам методологии литературоведения, американской, французской, белорусской литератур.

Сфера научных интересов: теория литературы, литературные взаимосвязи.

формирующей реальности, то наряду с земледелием вполне закономерно наличие некоего альтернативного «вѣдения» или, скорее, «логии»: земельное, понятое как сверхприродное, т.е. природное и духовное, требует не вѣдения в смысле «объективного» знания, традиционно соотносимого с феноменами «чисто» физическими, но логоса как знания-понимания. Понятие «терралогия» мы предполагаем использовать как рабочую единицу, не настаивая на значении его как термина, но очерчивая с его помощью альтернативный земледелию контекст. Он мог бы показаться излишним (научная общественность не приветствует «дробления» знания, равно как введения новой терминологии), если бы он уже не сложился и

1) «земельная» тематика, лежащая в основе ряда мифологем (аграрные мифы, оппозиция «верх-низ», представление о земле-матери, миф о Земле Обетованной, Граде на холме и т.д.), не составляя определенный пласт мифологии, сферы гуманитарного знания;

2) природно-земельный облик, особенности ландшафта, формирующие своеобразие отдельных культур, не являлись бы эмпирической базой культурной морфологии (О. Шпенглер [2]);

3) сверх- (или вне-) природные основы концептуализации феномена земли не были заложены в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, где земля – *óvtoç*, сущее, – понимается как трансцендентность, «не тождественная своим определенным проявлениям» [3, с. 443–444] и, значит, выходит за рамки природного.

Терралогия, стремящаяся объединить мифо-, морфо- и онтологическое осмысле-

ние, предполагает тем самым синтез знания различного, но однонаправленного – культурологического – характера.

Различение земледелия и терралогии не обусловлено стремлением растожествить начала природное и культурное. В «земельном», как и любом другом, дискурсе в сфере научного знания предварительное необходимое растожествление двух противоположных начал не может иметь никакой иной продуктивной цели, кроме их сопутствующего объединения, разумного (понимающего) отождествления. В отношении природного и культурного этот принцип не нуждается в теоретическом обосновании со времени Гете, самый опыт которого явил необходимое практическое подтверждение [4]. Иное дело, что с тех пор проблема размежевания природного/культурного продолжала обостряться. Возможно, проследив причины этого обострения на протяжении последних полутора столетий, мы яснее представим себе роль терралогии как сферы гармонизации двух проблематизируемых начал.

Природное/культурное: опасности растожествления

Размежевание природного/культурного, назревавшее с античности (*φύσις/θεσις*), особенно резко заявляет о себе в период *décadance*, когда мотив «искусства для искусства», актуальный с начала XIX века, обрел статус принципа. Амбивалентность этого принципа, одиозность апологии искусственного как противоположного природному, «некультурному», засвидетельствована в опыте самого знаменитого декадента всех времен и народов Жана дез

Эссента в романе Ж.-К. Гюисманса «Наоборот» (*À Rebours*, 1884). Искусственное отшельническое существование в изысканном доме-музее – мир «наоборот» по отношению к нормам «вульгарной» буржуазности – при отсутствии свежего воздуха и моциона провоцирует натуральное заболевание «мученика культуры» и вынуждает его вернуться в реальный мир как мир жизни. В модусе терралогии не предполагается спрашивать, могла ли быть альтернативой опыту дез Эссента сельская идиллия-изоляция, но стоит спросить: случайно ли культура *décadence* – городская культура, причем безусловно, где граница, порог «культурности», за которым или вне которого городская культура переживает упадок? в чем различие «просто упадка» и «декаданса» культуры? Ясно, что дальнейшая постановка вопросов (например, о диалектике *décadence*) выходит за рамки терралогии, но очевидно и то, что принципиальный вопрос о сущности явления – истощения культурного в самоизоляции от природного – заключен именно в границах рассматриваемого явления.

Критическим в проблематизируемом отношении стоит считать период накануне и после Первой мировой войны, эпоху как никогда ранее острого ощущения кризиса европейской цивилизации, порога гибели, «конца света». В предчувствии, а затем и в опыте бессмысленной войны культура представляется истощенной, изжитой и бесполезной, зараженной и заражающей бессилием, а природа, собственно «грунт» мира – нереальной и выморочной, как лунный пейзаж. *Here is no water but only rock* («Здесь нет воды, только камни одни») – символический облик мира в поэме английского поэта-модерниста Т.С. Элиота «Бесплодная земля» (*The Waste Land*, 1922). Характерная для эпохи модерна гипертрофия «бесплодия» (расширенное влияние теории Мальтуса); поэтическая имитация техногенных ритмов с целью ошеломить читателя адекватно воздействию ошеломляющей реальности (авангардные эксперименты); принципиальное отсутствие пафоса утверждения со стороны интеллектуальной элиты, демонстрирующей отрицание (Э. Паунд, Т.С. Элиот, В. Вульф) – при таких условиях утверждение со стороны утверждающих *par excellence* (К. Гамсун, М. Хайдеггер) выглядело романтическим мечтательством либо мистической невня-

тицей. Таковы лишь некоторые культурные факторы отчужденного от природы порядка, наряду с которыми вызревал потенциал новой мировой войны. Случайно ли некоторые из апологетов природного стали печально знамениты как коллаборационисты (Гамсун)? Здесь снова перед нами сфера терралогии – осмысления как позитивных, так и негативных потенциалов феномена земли, основы природного начала и основания культурного апеллирования к нему.

Еще один критический этап – эпоха «пост-», отождествившая культуру и цивилизацию. Расшатанное равновесие природы и культуры становится еще более условным, эфемерным – и не только потому, что цивилизация-культура оставляет природному все меньше места, так что осуществление антиутопии на тему «мирового города» [5, с. 130–149] выглядит особенно реальным и близким. Техногенному неравновесию сопутствует цивилизационное: поскольку в определенных частях цивилизованного мира, особенно в густонаселенной Европе, собственно природного остается мало, пользование этим малым стоит довольно дорого, природное становится роскошью. Распространение получает так называемый дальний туризм – в те сегменты земного шара, где цены на услуги существенно ниже, а природы существенно больше. Подобный вид отдыха для человека, уставшего «ходить по струнке» в своей сверхцивилизованной стране, воспринимается как повод отдалиться искусению природой, уступить соблазну дикости (речь, разумеется, идет не о правиле, но о наличии определенной тенденции). О притягательности именно дикости как альтернативы гиперцивизованности говорят репортажи с курортов Карибского бассейна, Таиланда, Филиппин. О том же свидетельствует история. В данном случае мы имеем дело с обратной стороной постколониальности, наследием ее опыта как длительного, часто бессрочного «пикника» на лоне дикой природы, когда колонизаторам казалось вполне уместным сбросить маску цивилизации и жить по «закону джунглей» – не только в целях самозащиты, но и в силу сознательного выбора, по зову «сердца тьмы».

Разумеется, в дискурсе терралогии не стоит идеализировать пляжи, пальмы, туземцев и напоминать о большей благодетности для цивилизованного человека

чистого (в смысле уравновешенного) наслаждения дикой природой – это вопрос этики, а не «логии» (логики). С помощью последней можно прокомментировать современный «дикий» опыт как проявление естественной, а точнее – экзистенциальной тяги к простоте и простору, когда возмещение стремится быть адекватным нехватке: чем сильнее недостаточность простоты и простора, тем более жадно возмещение, так что респектабельные места отдыха в Европе действительно могут показаться жалким симулякротом необходимой релаксации. Агротуризм, кажется, стремится заполнить эту нишу, не предоставляя поводов и возможностей впадения в дикость, но, если нехватка будет обостряться, симулякрот (п)окажется и агротуризм. Насколько перспективна его практика в плане искомой гармонизации натурального и цивилизованного – еще один вопрос для терралогии.

Разговор о соотношении культурного – природного может способствовать выяснению того, является ли непосредственно актуальная ситуация продолжением эпохи «пост-» или налицо самостоятельная – не после-, а со-временность, предполагающая, наряду с ретроспективно-критической рефлексией, некий перспективный, целе- и ценностнополагающий анализ современных реалий. Если признать, что отождествление культуры и цивилизации, вкупе с растождествлением природного и культурного, продолжает углубляться, то состояние проблемы надлежит оценить как пороговое, критическое – опасность. В сходном контексте у Гёльдерлина и Хайдеггера опасность позитивно понимается как начало иного, у французских так называемых экзистенциалистов – как порог выбора между Бытием и Ничто. Между тем пока безусловно иным в сравнении с предшествующей культурой, включая «классический» постмодерн, приходится признать феномен виртуального. Парадоксальным образом это ноу-хау, порожденное цивилизацией, отчужденной от отчужденной от природы культуры, являет собой феномен культууроформирующий. Какую культуру формирует виртуальное? «Псевдо-»? «Киборг-»? «Симулякр»? Пожалуй, впервые столь очевидно техническому принадлежит перспектива формирования культурного поля – или отмены его, в зависимости от встречного позиционирования культурного.

Культурное, реагируя на виртуальный сдвиг, не может не расширять сферу своего влияния за счет приобретения соответствующих компетенций, концептуального осмысления технического и, разумеется, природного факторов, иначе из рассматриваемых связей («культурное – техническое», «культура – цивилизация») выпадает модус человеческого. Человек, по выражению Новалиса, – «одновременно в и вне природы» [6, с. 145]; будучи же только вне, закономерно превращается в полу- или недочеловека. Об опасности такой мутации рассуждает культуролог М.Н. Эпштейн: «Все, что человек создал вокруг себя, теперь заново интегрируется в него... Но означает ли это смерть или торжество человеческого? <...> Этот потенциально “вездесущий” и “всегдасущий” человек – останется ли он человеком в прежнем смысле? Будет ли он любить, страдать, тосковать, вдохновляться? <...> Можно ли обладать скоростью света и сохранить тоску по дому? ...проникать взглядом в жировую клетчатку, в строение внутренних органов и одновременно наслаждаться прикосновением к коже другого существа? ...знать о другом “все” – и одновременно любить его? ...быть информационно прозрачным для других – и одновременно сохранять чувство стыда? Как быть вполне машиной и вполне человеком, не убивая в себе одного другим?..» [7, с. 125–127] – очевидно, продолжая быть в и вне природы.

Человек на земле: модусы идентификации

Отмеченное родство природного и человеческого позволяет подчеркнуть близость терралогического дискурса к философской антропологии – «одной из наиболее парадоксальных наук» [7, с. 11] в силу тождества ее предмета и ее субъекта, из-за чего встает вопрос о достоверности соответствующего знания. М. Фуко, называя эту ситуацию «методологическим тупиком», в то же время отмечает, что сама возможность постановки проблемы «есть уже ворота мысли будущего» [8, с. 404] – «ворота» для «логий» тех сфер, где наиболее активно заявляет о себе *ὁ ἄνθρωπος*; таким образом, это и «ворота» для терралогии.

Подключение антропологической проблематики дает основание зафиксировать

еще один срез «земельной темы» – идентифицирующий. Речь можно вести о нескольких аспектах идентификации человеческого рядом с «земельным» – соответственно основным, актуальным для терралогии значениям слова земля: а) «земля в себе» – твердь, опора, грунт, потенциальная пашня (в широком смысле), б) «земля людей» (культурно-исторический ландшафт, в дефиниции Л.Н. Гумилева – ландшафт антропогенный [9, с. 197]) и с) «земля предков» – аспекты, объединенные М. Мерло-Понти в понятии *chair du monde*, плоть мира («первоначальная, все в себе собирающая, трансформирующая стихия, стихия стихий...» [10, с. 285]).

Первое, «земля в себе», – дикая, неосвоенная, «первозданная природа» – фактор идентификации на внелогическом (мистическом) уровне как единения с тем, что сходным образом наделено духовностью (у Новалиса: «Природа не была бы природой, если бы не имела она духа <и> не была бы единственным отображением человечества» [6, с. 180]). Кроме того, традиционно (хотя далеко не всегда позитивно) дикое, первозданное, неподдельное постулировалось как своего рода символ «подлинности», мера различения подлинности/симулятивности, в том числе на уровне оценки собственного статуса. Наконец, это сфера ощущения взаимозависимости как необходимости взаимозащиты: земля – место встречи природных и человеческих сил как сил союзных (на основе такой идентификации формулирует свои задачи наука экология).

«Земля людей» – освоенная («осмысленная») – фактор идентификации на уровне сознания («Ландшафт... представим как текст, а художественный текст... как ландшафт» [11, с. 596]). Если, согласно М. Хайдеггеру, освоенный ландшафт есть «про-изведение», осуществление бытия из «разрыва-согласия» земли и мира, «становящихся собою друг в друге» [10, с. 278], то такое «про-изведение» – символ и мера человеческого бытия, понятого как становление. Ландшафт в этом смысле – зеркало человеческого прошлого (овеществленная память), настоящего (культурного, исторического, геополитического) и будущего, отражение потенциала и перспективы человечества: останется ли «земля людей» сферой гармонизации жизненного пространства

или станет площадкой техногенной катастрофы?

Значение топоса «родной земли», «земли предков» в плане идентификации человеческого присутствия можно прокомментировать исходя из самого рабочего понятия «терралогия», предположив наличие в нем ассоциации с Террой, малой родиной всем памятной Скарлетт О’Хара: Терра – исток ее самоидентификации как южанки, американки и Личности; Терра, топос всемирно известной американской книги (слово земля в американском контексте значит так же много, как в белорусском) – архетип малой родины, родной земли как истока осознания человеком факта своего бытия в мире. Равным образом это и бытие в культуре – поскольку именно культурное бытие способно к самосознанию и рефлексии, в том числе отталкивающимся от природного, «при-земленного» контекста: именно так идентифицировало себя античное сознание – в дидактическом эпосе; древняя и новейшая иудейская культура; «новоземельный» феномен США; скандинавское сознание в середине XIX – начале XX века и, разумеется, белорусский культурный феномен, классический дискурс которого – дискурс о земле.

Очевидно, что позитивный потенциал феномена земли воплощает позитивный потенциал осмыслившей его культуры. Есть ли равноценные альтернативы ему в ситуации «прото-виртуальности»? Этот момент особенно принципиален для терралогии, синтезирующей посредством него историческую, социологическую, этнологическую и литературоведческую проблематику.

Важно, что в междисциплинарном ракурсе способен полнее раскрыться не только позитивный, но и амбивалентный, возможно негативный потенциал интересующего нас феномена: именно в этом случае терралогия обещает состояться как полноценный – неоднородный – аналитический дискурс, нейтрализующий апологию либо природного, либо культурного как двух различных путей к дикости и варварству, прямого и косвенного. Таким образом, уточняется и предмет терралогии: те аспекты феномена земли, которым имманентно присущ амбивалентный потенциал, выявление которого – исток последующего осмысления позитивности земельных смыслов.

К расширению понятия «земельный вопрос»

Исторический опыт свидетельствует: «проблема с землей», как правило, возникает тогда, когда имеет место абстрактная идеализация земли ради земли, что несет опасность нивелирования феномена в целом. Такое явление М.Н. Эпштейн комментирует как итог диалектики качества «гипер-»: «"Гипер-" – это такой "супер-", который самим избытком некоего качества переступает границу реальности и оказывается "псевдо-"» [12, с. 62]. Одномерная идеализация нарушает феноменальную природу, сущностью которой является поляриность; «позитив» обращается в пустой знак, пустой звук, «контрацептив мысли». «О земле, как о покойниках, ничего кроме хорошего» – принцип, «успокаивающий» землю; что тогда сказать о живущих на ней? Очевидно, что особенно неприемлема абстрактная идеализация земли в культурах, традиционно отождествляющих себя с ней как с ключевым артефактом.

Необходимость различения земли как феномена, воспринимаемого, с одной стороны, нейтрально конструктивно, а с другой – критически пристрастно, предполагает расширение понятийного спектра рассматриваемой тематики сообразно расширенному объему рефлексии. «Терра» в подчеркнуто проблемном осмыслении так же далека от Терры Скарлетт, Terra Incognita и Terre Promise (Земли Обетованной), как сага Гесиода – от позднейших интерпретаций темы земли в духе «земельного вопроса». Поскольку терралогическая проблематика далеко выходит за рамки упомянутого вопроса как аграрно-социального, постольку она нуждается в альтернативном, семантически насыщенном проблемном концепте. Возможность и основание для выработки такого концепта предоставляет потенциал гипер-идеализации объективного феномена terra, который таким образом «уменьшается», «сжимается», уничтожается в своем объективном полярном смысле, приобретая характер эталона и «совершенства» в духе позднейшего значения греческого *télos* (идеал, самоцель), – подход, чуждый земле как субстанции, не поддающейся абстрактному абсолютному «совершенствованию».

Проблемную сущность этой метаморфозы с землей (перехода «гипер-» в «псевдо-») можно выразить слиянием двух понятий: «заглавного» terra и проблематизируемого *télos* – в концептуальном образовании *terros*, этимологическая «невозможность» которого лишь подчеркивает априорную невозможность «совершенства» земли и опасность представления о нем (созвучие латинских terra и terror вряд ли случайно). Предлагаемое синтезированное обозначение *terros* (террос), как и терралогия, не претендует на статус термина: этот условный конструкт мы используем с целью озвучить многообразные оттенки «земельного вопроса», в котором «наглядно», «осязательно» явлена сущностная бездонность и амбивалентность феномена земли.

Многомерное содержание *terros* просматривается по ряду проблемных полей. Первое – социально-психологическое: обладание землей ради обладания, разрушительная жажда собственности, утрата способности трезво мыслить и поступать по отношению к объекту вождения – неконтролируемый «Эрос», изнанка которого – сфера Танатос (*Eros*, если не этимологически, то по смыслу, тесно сообразуется с намеренным проблемным контекстом *terros*). Второе – индустриально-экономический, «американизированный» *terros*, когда в центре внимания феномен сделки – с тем, что производит земля. Предмет сделки отчуждается от своей безусловной ценности, измеряясь условной стоимостью, которая зависит в том числе от фактора наличия/отсутствия предмета; если земля «слишком» плодородна и урожаи «слишком» велики, рационально уничтожить избыток: «Жгите кофе в паровых топках. Жгите кукурузу вместо дров – она жарко горит. Сбрасывайте картофель в реки и ставьте охрану на берегу, не то голодные все выловят. Режьте свиней и зарывайте их в землю» [13, с. 318], – terror, horror (ужас), «горе земли» (Дж. Стейнбек).

Американский социокультурный контекст дает возможность представить и пространственную проблему земли, проблему ее избытка, точнее, диалектики избытка, итог которой – нехватка: безмерное освоение земли стало началом конца американской мечты (о Новом Ханаане, Граде на холме, равных возможностях), мечты, таявшей по мере постепенного исчезнове-

ния фронта. При индустриальном землепользовании по принципу «земля – товар» с 1840-х годов это стало стимулом внешней экспансии. Германский опыт явил пример экспансии двойной: метафизической – в обосновании индивидуализации мирового духа на собственной почве, позиционируемой как святая (националистическое измерение проблемы земли), и экспансии реальной, так как необходимое смертным жизненное пространство надлежало еще «добыть». Очевидно, что и здесь настояраживающее созвучие terra и terror себя оправдывает сполна, так что, возможно, пристрастное внимание к каждому конкретному случаю terra и есть один из путей нейтрализации terros.

«Терралогия» – потенциально открытый аксиологический контекст, который следовало пока при-открыть, зафиксировав базовые его составляющие: сущность феномена земли как основания для самоидентификации – индивида, этноса, нации; потенциал земли как основы жизнотворчества в самом широком смысле (от устройства быта до культуротворчества). Представляется, что очерченное проблемное поле, равно как начатая концептуализация основных понятийных единиц, связанных с культурологическим осмыслением феномена земли, может служить опорой дальнейшей разработки темы. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Земельный вопрос / Е.С. Строев, В.В. Бабашкин, Н.А. Борхунов и др. – М.: Колос, 1999.
2. Шпенглер, О. Закат Европы: в 2 т. / О. Шпенглер // Предисл., коммент. и пер. К.А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1998.
3. Онтология // Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев [и др.]. – М.: Сов. энциклопедия, 1989.
4. Свасьян, К.А. Философское мировоззрение Гёте / К.А. Свасьян. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1983.
5. Одоевский, В.А. Русские ночи / В.А. Одоевский. – М.: ТЕРРА, 2002.
6. Новалис. Генрих фон Оффтердинген. Фрагменты. Ученики в Саисе / Новалис. – СПб.: Евразия, 1995.
7. Эпштейн, М.Н. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук / М.Н. Эпштейн. – М.: НЛО, 2004.
8. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А-сад, 1994.
9. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера / Л.Н. Гумилев. – М.: АСТ, 2007.
10. Подорога, В.А. Выражение и смысл: Ландшафтные миры философии (Кьеркегор, Ницше, Хайдеггер, Пруст, Кафка) / В.А. Подорога. – М.: Ad Marginem, 1995.
11. Каганский, В.Л. Ландшафт как земное тело человека и его герменевирование (феномен культурного ландшафта и подходы к нему) / В.Л. Каганский // Логос живого и герменевтика телесности. Постигание культуры: Ежегодник. – Вып. 13–14. – М.: Академпроект; РИК, 2005. – С. 569–600.
12. Эпштейн, М.Н. «Гипер-» / М. Н. Эпштейн // Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / Под ред. М. Тульчинского и М. Эпштейна. – СПб.: Алетейя, 2003.
13. Стейнбек, Дж. Гроздь гнева / Дж. Стейнбек // Гроздь гнева; Зима тревоги нашей / Стейнбек, Дж. – М.: Художественная литература, 1985. – С. 17–410.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Требования к оформлению научных публикаций составлены в соответствии с главой 5 Инструкции по оформлению диссертации, автореферата и публикаций по теме диссертации, утвержденной постановлением президиума Высшего аттестационного комитета Республики Беларусь от 24.12.1997 года № 178 (в редакции постановления Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 22.02.2006 года № 2).

Условия приема авторских материалов в журнал «Беларуская думка»

1. Принимаются рукописи, ранее не публиковавшиеся.
 2. Редакция принимает рукописи в двух экземплярах (не ксерокопия), напечатанные шрифтом Times New Roman, 14-й кегль, межстрочный интервал – полуторный, объем статьи – до 10 страниц.
 3. Статья должна содержать:
 - индекс УДК;
 - фамилию, имя, отчество автора (авторов), название статьи на русском и английском языках;
 - резюме объемом 400–450 знаков на русском языке;
 - введение (с поставленными задачами), основную часть, заключение (с четко сформулированными выводами);
 - список цитированных источников, оформленный в соответствии с требованиями ВАК Республики Беларусь.
 4. Материал визируется автором.
 5. Наличие электронного варианта статьи (дискета, компакт-диск, флеш-носитель).
 6. Иллюстративный материал представляется отдельными графическими файлами.
 7. Данные об авторе (0,5–1 страница): телефон, адрес электронной почты, место работы, должность, ученая степень, звание, сфера научных интересов.
 8. Рецензия (внешняя или внутренняя). Материалы, в которых не соблюдены перечисленные условия, не принимаются к рассмотрению редакцией. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Редакция оставляет за собой право осуществлять отбор, дополнительное рецензирование и редактирование статей.